

ПАК БОМ

НОНДАМ
ТОККЭБИ

농담도깨비

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 63.3(4Бен)6-44
П13

Пак Бом
НОНДАМ ТОККЭБИ

Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Иллюстрация на переплете *Суразаковой Дарьи (dorothywei)*
Дизайн переплета *Ольги Жуковой*

Пак, Бом.
П13 Нондам Токкэби / Пак Бом. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 480 с. — (Мейнстрим. Мистический триллер).

ISBN 978-5-17-191177-5

Бедняк Ким развел бессмертного духа токкэби на деньги, а после сбежал с богатствами на соседний берег Тумангана. Спустя сотню лет обиженный токкэби отправляется на поиски приятеля-обманщика, чтоб отомстить. Но бедняк давно умер, оставив после себя чайную «Нондам Токкэби» и правнучку Лиду Ким.

Однако женщина хуже любого из злых духов. Лицемерная и изворотливая, она пользуется благосклонностью мистических покровителей, заключает сделки и загоняет невезучих оборотней в долговое рабство. На словах она готова служить взыскателю, но только по своим правилам. Вместе они пытаются усовершенствовать особую услугу для духов — изгнание людей.

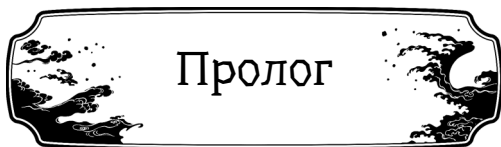
Но шутки бедняка Кима продолжают наступать токкэби, принимая самые странные формы, а город тревожит кроважадный многоликий-многорукий.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 63.3(4Бен)6-44

© Пак Бом, 2026
ISBN 978-5-17-191177-5 © ООО «Издательство АСТ», оформление, 2026

*Сердечно благодарю маменьку, папеньку, Зая, дядю
Волка, Бро, бесценную подругу, Гарина-Михайловского
Николая Георгиевича и богатства Дальнего Востока*

Давным-давно, когда тигры курили, а вороны говорили, жил в Стране утренней свежести перевальный дух — токкэби. Развлекался он так же, как любой из буйных божков: колотил прохожих, подбрасывал лягушек в молоко, сеял жгучую крапиву среди пышных пионов, корчил гримасы старикам, вдовам, солдатам и купцам... Ничем не отличался, ничем не выделялся.

Но услышал однажды токкэби, что старшие братья развлекаются не только шалостями, но и беседами с людьми. Шутят, смеются, ссорятся и плачут.

— Возможно, болтать с людьми до первых петухов не менее любопытно, нежели избивать, — сказал приветливый приятель-ветер, которому ничего не стоило очаровать смертную душу ласковостью теплых прикосновений.

На спор предложил беспечный ветерок токкэби подружиться с человеком.

Давным-давно жил в Стране утренней свежести и бедный юноша Ким. Питался он одним рисом, а когда риса не было — мечтами о рисе. Однажды, возвращаясь после работы из леса, повстречал он токкэби. Не было в те времена ничего проще, чем двум путникам завязать дружбу.

Долгие вечера за играми в кости, беседами в час сбора папоротниковых стеблей и совместное любование луной сделали из перевального духа и бедняка Кима добрых приятелей. Помогли и шутки. Шутки токкэби не знали конца. То рис с песком смешает, то в воду уксуса нальет, то зубчик чеснока в ирисовый шарик закатает. Смеялся Ким, хвалил остроумие друга.

Но однажды, после очередной шутки, когда токкэби катался по полу от смеха, бедняк признался, что беден

не оттого, что невезуч, а оттого, что боится богатства. Боится денег, как воющих по ночам вонгви¹ или причитающую в колодце утопленницу.

— Теперь твой черед, хён. Чего ты боишься, хён?

Никогда и никто прежде не называл токкэби «хён» — «старший брат», всегда он был младшим, всегда был чосонской кочергой. Те льстивые слова показались сладкими, будто мед, волшебными, точно правая туфля небожителя. Преисполненный чувствами токкэби поведал, что ничто так не пугает его, как кровь. В венах духов не водится ничего подобного, вполне естественно, что она неприятна, как рыбам неприятно раскаленное масло. Кровь для токкэби, как и масло для рыб, означает нечто совершенно отвратительное, ее следует избегать.

Алые лучи рассвета обвили рыбацкую деревеньку провинции Хамгён-Намдо, пропели первые петухи, распустились солнечные гибискусы; пожав друг другу руки, распрощались друзья.

В одну из звездных ночей, когда умолкли соловьи на ветках, вновь направлялся токкэби к дому смертного приятеля. После дней беспрестанных проказ и шалостей хотел он услышать, в каких далеких королевствах удалось побывать Киму во сне, каких диковинных людей и колдунов увидеть, какие редкие плоды пробовать, какие вина испить. Ким ведь непременно отыскал минутку подремать. Должен был отыскать!

Добрый пульгасари² неспроста защищает сновидения бедняков. Щедро позволяет им в дивных садах грез забыть о несчастьях. Никакие прожорливые чудовища

¹ Вонгви — в корейской мифологии злые духи, блуждающие призраки умерших насильственной смертью людей. — Здесь и далее прим. авт.

² Пульгасари — дух, охраняющий сны.

или скупые чиновники не смели пугать уставших ныряльщиц и пахарей в час его дозора.

Но что же нашел жадный до чужих видений токкэби в доме друга? Не букеты собранного чеснока, не кочаны капусты и не тростник для флейт. Кровь... Ненавистная, омерзительная кровь окрасила стены, пол и потолок нищенской хижины. Пропитала каждую соломинку крыши, каждую мышиную щель отвратным смрадом. Помутился рассудок духа, заискрились от ненависти глаза, когда среди зловонного зелья он заметил улыбающегося Кима.

— Милая шутка, правда, хён?

Шутка? Бедняки и вправду понятия не имеют о хороших манерах, о том, как следует обращаться с гостем, как обращаться с другом, как обращаться с братом! Шутка?! Любой из токкэби — прирожденный шутник, любой из них ловчее сотни императорских шутов, любой из них не привык оставаться в долгу!

Обиженный дух вынул из-за спины волшебную дубинку и давай размахивать влево и вправо, вверх и вниз! Давай разносить ветхий ханок, наполнять окровавленную комнату золотыми слитками, драгоценными камнями, гроздьями жемчуга, гроздьями нефрита...

«Вот что такое настоящая шутка, вот как следует шутить! Глупый Ким, попался в собственную ловушку. Что там какая-то пара капель алой мерзости? Испугает, но не погубит. А щедрый хён сейчас набьет лачугу мерцающим кошмаром, чтоб вероломный мальчишка захлебнулся в звонком страхе!»

Бежал токкэби прочь от подлого Кима, хотел пожаловаться старшим братьям, но от стыда не мог и слова вымолвить. Бежал и Ким с полными чертовым богат-

ством карманами и сундуками. Бежал туда, где никто не спросит, как безродный паренек набил те карманы и сундуки.

Только никому добра та приятельская шутка не принесла. Ни мстительному токкэби, чья поганая дубинка утащила драгоценности напрямик из змеиноного логова. Ни хитрецу Киму, чье состояние оказалось проклятым.

В те далекие времена, когда рис пышнее рос, а барсы резвились у подножья гор, было достаточно королей и императоров. Но злосчастные сокровища исчезли отнюдь не из казны венценосного смертного, а из драконьего логова.

Не слышно с тех пор о токкэби. Утащил его в свою пещеру имуги, заставил отрабатывать похищенные богатства. Отделяет светлый рис от темного, темный от светлого токкэби, мечтая о дне, когда отомстит, когда поколотит он подлого Кима.

Не слышно с тех пор о сироте Киме. Пересек он реку Туманган и построил роскошный ханок, куда вместо людей стали навещаться духи. Сожалеет и рыдает он, рыдает и сожалеет, мечтая о том дне, когда попросит прощения, когда вернет драконьи богатства щедрому хёну.

Глава 1

Приморской ночью

Многие считали Виктора недалеким, но даже трижды отпетый из приморских дураков не станет бродить у моря в полночь.

Несчастный хулиган напрасно забыл об осторожности, напрасно впал в задумчивость и размечтался. Вместо привычных мистических поисков с друзьями-балагурами совершенно зря бродил он темными дворами, так легко и неосмотрительно, не замечая следовавшей по пятам зловещей тени. Не первая влюбленность, не похвала отца и даже не выигрыш в лотерею притупили внимание и закономерную тревожность. Виной рассеянности паренька стала фантастическая сделка.

Не каждому удастся проглотить лисью бусину, не каждому суждено стать хозяином горной волшебницы, хотя каждый из семьи Виктора, начиная от отца и заканчивая прапрадедом, был готов отдать руку на отсечение за подобный шанс.

Вдали шумели волны прибоя, зелеными и желтыми искрами мерцали глаза котов, немногочисленные домики на утесах утопали в морском тумане. Аромат сосны и хвои казался скучным призраком прошлого перед лицом блистательного будущего, в красоте и незаурядности которого был уверен бредущий полуночник.

Кому нужна скучная мистическая чайная, когда вдали ждут миллиардные партии в Макао и элитные вечеринки где-нибудь в Нью-Йорке, а возможно в Токио, Москве, Шанхае или в английском дворце. Старшеклассник пока не знал, которая из мировых столиц достойна видеть его своим гостем. Но стоит пожелать, и верная лисица исполнит любую угодную его душе

прихоть, любую взбредшую в голову глупость. Стоит пожелать, и лисья бусина не позволит горной чародейке вертеть мордой и отнекиваться, ссылаясь на отсутствие средств, времени или желания.

Идя по знакомой ухабистой тропинке, Виктор задавался вопросом: отчего он медлит? Отчего до сих пор надевает школьную форму и гуляет по знакомым, крайне скучным мысам? Отчего дает волшебной служанке только мелкие поручения, если в его руках золотой билет? Это прелесть ожидания? Простая вода кажется сладкой после изнурительной жажды.

Виктору нравилось чувствовать себя философом, загадочным и непредсказуемым.

Элегичные размышления лисьего хозяина превратились в пыль, а сердце замерло, когда холодная рука обвила шею, а жесткая ладонь легла на обветренные губы. Приморская пустыня — отменное пастбище для психопатов и невменяемых фанатиков. Нередко солидные дикторы из новостных программ призывали не быть легковверными, не быть романтичными, избегать безлюдных мест и позднего часа. Старики запугивали байками о призраках, русалках и прочих злых духах, что только и мечтают, как бы отхватить лакомый кусочек от молоденького паренька или девицы. К встрече с фольклорными персонажами из стариковских историй Виктор всегда был морально готов, но возможность встречи с героями криминальных статей изрядно пугала.

Страх скользкой волной окатил закаленную кровавыми легендами душу — усердными стараниями воображения фанатики и психопаты обратились в единое мерзкое создание. Но на зависть скоро к Виктору вернулась мысленная трезвость, и он прибег к сопротивлению. Пинался и толкался, извивался и крутился,

сперва пытаюсь перекинуть негодяя через плечо, а после — хотя бы укусить за руку. Да к чему тратить столько сил и напрасно рисковать? Достаточно ведь позвать лисицу на помощь, и тогда уже глупому безумцу придется молить о помощи, придется вырываться и пинаться, пока покорная воле Виктора чародейка разрывает его на куски, окрашивая песчаный берег душегубной кровью.

— Лисья бусина. Мне нужна лисья бусина... — промолвил женский голос, столь благозвучный, что на мгновение Виктора посетило фантомное умиротворение. — Она у тебя. Тебе следует вернуть ее.

Вероятно, женщина ошибочно приняла своенравного бунтаря за трусливого отличника, раз при помощи таких дилетантских пугалок надеялась заполучить бесценную жемчужину. В правилах Виктора никогда не числилась привычка уступать, а услышав возмутительные требования, он стал отбиваться в разы сильнее. Одно дело — пригрозить отнять какую-то скучную повседневность, но посягать на возможность побывать в Нью-Йорке, Москве и Токио, посягать на возможность выиграть пару миллиардов — невиданная наглость!

Подобное нахальство пробудило воспоминания недавних уроков физкультуры, где помешанная на боевых искусствах преподавательница показывала действеннейшие из приемов. И хотя попытки устроить поединок странную женщину только рассмешили, Виктор все же улучил момент, чтобы оставить окровавленный укус на ее ладони.

— Юй Линь! Лисица Юй Линь! Спаси меня! — Крики его разносились над отражающим ночь морем, а ноги проваливались в песок, спотыкались о камни, поскользывались на водорослях. — Спаси своего хозяина! Юй Линь! Приказываю тебе! Спас...

Значительное физическое превосходство позволило женщине крайне быстро настигнуть парня и, несмотря на кровотокающую руку, пригвоздить к земле.

— Какой зверюгой ты был в прошлой жизни, маленький змей? Кто научил тебя кусаться, паршивец?

Она повторяла, что ей нужна только бусина, что ни к чему разводить столько бессмысленного шума и пугать крабов, ведь лисица все равно не сможет прийти. Как бы хозяин ее ни звал, какие бы опасности ему ни угрожали, сколько бы раз он ни выкрикивал имя слуги — лиса не придет. Мистический мир ночи куда сложнее, куда более непредсказуем, чем о том помнят древнейшие из ветхих болтунов. Недостаточно отнять жемчужину лисицы — нужно еще исхитриться быть хоть сколько-нибудь достойным подобного богатства.

Женщина мастерски давила ногой меж лопаток Виктора, прекрасно зная, как заставить выплюнуть чародейскую бусину. Виктор задышался, мокрый песок и водоросли щекотали его лицо, он чувствовал, как сдавленная в груди жемчужина, обжигая легкие, скользит к горлу.

Прибой беспрестанно насмехался над несчастным, ночь скрывала лицо воровки, жалкий миг отделял от разрушенной мечты и переломанного позвоночника. Виктор шептал и шептал имя лисицы. От пота зудело лицо, но он продолжал звать служанку.

Когда утомленная луна скрылась за роем мигрирующих облаков, алый хвост рассек марево и одним ловким махом отбросил странную женщину. Лисица явилась, выставила вперед сжатые кулаки, заслоняя беспечного хозяина. Запыхавшаяся и взлохмаченная, потерявшая одну туфлю, она явно торопилась на зов. Но почему же пришла так поздно? Хотел бы Виктор поинтересоваться, но сил хватало лишь на то, чтобы жадно хватать

ртом воздух и искать взглядом бездыханное тело охотницы за жемчугом.

Но напавшая не потеряла равновесия. Подобно опытному мастеру боевых искусств, она впечатляюще приземлилась на ноги, невозмутимо поднялась, поражая высотой своего роста. Длинные волосы ее расплелись, и теперь светлые пряди облепили узкое лицо, восточный ветер развеивал черный макинтош, обращая тот в иллюзорный плащ темного жнеца. Она раскрыла амулетный веер, взмахнула, и туман закружился, точно стая веселых привидений.

— Жди, гаденыш! — велела Виктору лисица, тревожно встряхнув головой.

Толку, что проблуждала сотню лет в лисьей шкуре, толку, что наблюдала за течением человеческой истории. По-прежнему молодая и наивная, она жаждала сию минуту укрыться в папоротниковой роще или примерить нефритовые серьги у хрустального ручья. Но благословенная бусина внутри смертного мальчишки не позволяла и с места сдвинуться, вынуждала выпускать когти и клыки, бросаться в несуразный бой.

Нелепые попытки колдовать отсрочили, но не предотвратили потерю волшебного сокровища. Шустрая чародейка призывала на помощь ураган, цунами, землетрясение, призраков и пламя. Используя бумажные таблички и обычную шариковую ручку, она писала имена духов в губительной спешке, с орфографическими ошибками, задом наперед, перечеркивая и ставя кляксы.

Окончательно разрушить отношения со стихийными владыками и неупокоенными душами ей помешал элегантный удар полумесяца. Женщина в макинтоше обладала нечеловеческой ловкостью и, вероятно, недо-

Пак Бом

ступными познаниями, раз выбить дух из духа для нее оказалось сущим пустяком.

— Сестрица Ким, ты переходишь границы... — выдохнула лисица, прежде чем ненадолго лишиться чувств.

Женщина усмехнулась: в ее глазах неумелая противница была не чем иным, как глупым щенком. И это с ее помощью мальчишка хотел добиться успеха? От подобного молодняка прок исключительно в незатейливом ведении хозяйства, а к большому подпускать их небезопасно, чревато убытками, но никак не прибылью. Виктору стоило благодарить, а не умолять, стоило бежать навстречу, а не убегать прочь. Не разрушительница, но спасительница явилась погубить мечту всей его жизни.

Глава 2

Обманутая обманщица

Лида Ким с рождения существовала среди бессмертных граждан Той стороны. Достаточно приключений и злоключений довелось ей пережить, о многих она успела позабыть, а о других не сумела позабыть, сколько бы тумана ни оседало в ее проклятой головушке. И этот день обещал врезаться в память надолго. Не каждую жизнь ладонь прокусывает несовершеннолетний мистик. День, когда подобное произошло, следует обвести в календаре и отмечать, как отмечают день дурака или позора.

Заведение «Нондам Токкэби»¹ просуществовало на свете относительно недолго, но никогда прежде его украшенные гравюрами стены не видели хозяйку в более удрученном состоянии. Облаченная в спортивный костюм, с бигуди в волосах и увлажняющей тканевой маской на лице, Лида Ким опустошенно курила ёнчжук, словно стала обычной хозяйкой необычного ханока, а не призрачным жнецом с побережья.

Старый абура-сумаси Джагаимо заботливо обрабатывал рану хозяйки. Причитая и цокая языком, масляный вор отмахивался от табачного дыма, бросая злобные взгляды в сторону болтливой лисицы.

— Хоть бы притворилась, что сожалеет... — ворчал он. — Лида-сан моя вон как мается, а чертовке хоть бы хны...

Юная лисица Юй Линь не могла усидеть на месте. Избавиться от надоедливого смертного мальчишки, что ни днем ни ночью не давал покоя, доставая мелки-

¹ «Шутка Токкэби» (кор.).